

Александр ГАЛКИН

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО 2013: СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ И ДИНАМИКА МАССОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В предлагаемой статье автор исходит из того, что протестные выступления 2011–2012 гг. не опирались на массовые слои российского общества. Ввиду этого, если не произойдут какие-либо чрезвычайные события, его активисты обречены на длительное пребывание в роли маловлиятельного меньшинства. Это не исключает того, что главной проблемой российского общества были и остаются глухие, но устойчивые неудовлетворенность и недовольство основной массы населения. In the given article the author bases on the fact that protest actions in 2011–2012 didn't ground on mass strata of Russian society. These activists will become a powerless minority if some extraordinary events don't happen. The main problem of the Russian society is still remote, but steady dissatisfaction and discontent of the most of people.

Ключевые слова:

общественные настроения, массовое поведение, средний класс, креативный класс, ценностные ориентации, отчуждение, правовой нигилизм; public moods, mass behavior, middle class, creative class, value orientations, alienation, legal nihilism.

Настроения, составляющие тончайший поверхностный слой общественного сознания, — явление неустойчивое. Будучи в высшей степени подверженными конъюнктурным воздействиям, они обычно быстро меняются, следуя переменам в объективной обстановке. Вместе тем при определенных обстоятельствах они приобретают некоторую инертность, что крайне важно учитывать при адекватной оценке направленности политического процесса, поскольку они оказывают существенное воздействие на поведение массовых групп населения.

Такая особенность общественных настроений в полной мере прослеживается при обращении к структуре общественных настроений в России. Рассмотрим их детальней.

Новые обстоятельства и мифологические изыски

В конце 2011 г. в политической атмосфере страны наметились серьезные сдвиги. Недовольство, копившееся у различных групп граждан, вырвалось наружу в виде всплеска массовых уличных протестов. Продолжались они и на протяжении первой половины следующего года. Формально их причиной были злоупотребления, допущенные в ходе предшествующих избирательных кампаний. Для основной массы участников они были реальной причиной. Но для тех, кто формально возглавил их колонны, это был лишь повод. Реальные стимулы, движущие ими, находились в действительности значительно глубже.

В элитных кругах, оттесненных к тому времени от власти, созрела надежда на возможность использовать ситуацию для возвращения утерянных позиций. Предполагалось, что протестный потенциал, зафиксированный главным образом в столице, удастся распространить на регионы и, опираясь на массы, они смогут вновь занять решающие посты на капитанском мостике государства.

При этом для обоснования представлений о происходящем и маскировки действительных намерений была, в частности, использована калька с некогда модной на Западе теории «среднего класса».

Родившись там в так называемые тучные годы, эта теория была рассчитана на утверждение оптимистических представлений о сущности и перспективах сложившихся общественных отношений. Ее

ГАЛКИН

*Александр
Абрамович —
д.и.н., профессор,
действительный
член РАЕН; главный
научный сотрудник
Института
социологии РАН*

содержание сводилось вкратце к следующему постулатам.

В развитом рыночном обществе между традиционными группами богатых и бедных сложился своеобразный средний класс, обладающий уровнем жизни, обеспечивающим каждой составляющей его личности нормальные средства существования, условия для развития заложенных в ней задатков и возможность беспрепятственного социального роста. Для поведения этого класса характерны: безоговорочная верность демократическим институтам и правопорядку, ориентация на общественную стабильность и высокая гражданская активность. Численность этого класса постоянно возрастает. В наиболее развитых странах он уже объединил большинство граждан.

Разумеется, в трактовке этого подхода, как всегда, были нюансы. Дальше других зашел тогда известный западногерманский политолог П. Глотц. Рассуждая на эту тему, он предположил, что к тому времени (конец 1960-х гг.) в тогдашней ФРГ, как и в некоторых других европейских странах, уже сложилось «государство трех четвертей», т.е. такое, где 75% населения уже вышли на благополучный уровень жизни, свойственный среднему классу, и только 1/4 может быть отнесена к числу относительно бедных. А это, де, надолго обеспечит соответствующим странам длительную стабильность.

В то время подобные взгляды вроде бы подтверждались рядом объективных обстоятельств. Под воздействием научно-технологической революции быстро возрастала численность наемных работников, занятых нефизическим трудом. Условия их существования были обычно лучше, чем у традиционных рабочих. Длительная борьба организованных работников наемного физического труда и профсоюзов за улучшение условий жизни вырвала их наиболее квалифицированные отряды из тисков нищеты и вывела на уровень, более-менее сравнимый с тем, на котором пребывали более благополучные социальные группы.

Представления о «среднем классе» способствовала в то время и сравнительно благополучная экономическая конъюнктура. Перед правящими кругами ряда развитых государств она открыла возможность, используя изолированный финансовый инструментарий, жить десятилетиями

в долг, за счет «денежных пузырей». А это, в свою очередь, позволило им, реагируя на давление снизу, то и дело демонстрировать свою «щедрость», финансируя привлекательные социальные программы.

Носители идеи «среднего класса», естественно, делали упор на эту совокупность обстоятельств. При этом они сознательно закрывали глаза на то, что сближение уровней существования различных социальных групп хотя и способно при определенных обстоятельствах заметно ослабить существующую между ними социальную напряженность, тем не менее не в силах свести на нет реальные социальные различия и многочисленные несоответствия интересов. И для обострения этих различий и несоответствий достаточно любого ухудшения обстановки, прежде всего экономических условий.

Именно так и произошло в начале нового века, когда разразился очередной экономический кризис. Уже на первом его этапе стало очевидным, что между различными составными частями «среднего класса» — средними и мелкими предпринимателями, многочисленными банковскими и иными клерками, государственными чиновниками, технической интеллигенцией, квалифицированными рабочими — налицо не только расхождение, но и прямое противостояние позиций и что их приверженность к сложившимся общественным порядкам имеет четко очерченные границы.

В частности, многие социальные группы, искусственно пристегнутые к «среднему классу», обратились к традиционным, испытанным «пролетарским» методам борьбы за свои интересы. По многим высокоразвитым европейским странам прокатились мощные волны массовых забастовок. К подобным методам борьбы то и дело прибегали (и прибегают ныне) даже такие столпы государственного механизма, как таможенники, налоговые инспекторы, полицейские и сотрудники иных силовых структур. И конца этому пока не видно.

Не случайно как в солидной политической печати, так и в научной литературе многих западных стран получил постоянную прописку тезис о «бунте среднего класса». Более того. В наиболее серьезных научных работах ссылки на этот некогда модный феномен встречаются все реже. Зато они, как уже упоминалось, нашли

уютное убежище на российских просторах.

В XIX в. просвещенная российская публика не без иронии признавала, что мода из Парижа приходит в наши столицы с 5-летней, а в глубинку — и с 10-летней задержкой. В XXI в. это, как известно, происходит намного быстрее. Но на политических теориях перемены явно не сказались. Их, судя по всему, поднимают на щит в России именно тогда, когда от них отказываются там, где они родились. При этом по пути они приобретают весьма специфический облик.

Как же выглядит теория среднего класса, нарядившись в российские одежды?

Прежде всего, коренным образом преобразилась ее главная целевая установка. Исходная теория среднего класса была призвана обосновать незыблемость существующих порядков, доказав их полное соответствие коренным интересам значительного большинства граждан. Ее российский вариант, используя те же аргументы, изначально ориентирован на противоположные результаты — разрушение государственных институтов.

Реальная ситуация в России сделала неизбежным отказ от главной методологической — арифметико-статистической — основы выделения среднего класса. Разрыв в условиях существования в нашей стране настолько велик, что формально выделенная середина оказывается в действительности не средней, а весьма высокой ступенью на лестнице уровня жизни, практически недоступной для подавляющего большинства граждан. Тем самым в состав среднего класса, если соблюдать установленный критерий, не может быть включено большинство тех, кто, согласно западной трактовке, должен был бы составлять его основу: наиболее массовые отряды интеллигенции (учителя, преподавательский состав высших учебных заведений, врачи, сотрудники научно-исследовательских учреждений, инженерно-технические коллективы крупных промышленных предприятий), работники правоохранительных органов, офицерский состав вооруженных сил, большинство квалифицированных рабочих).

Поскольку объективный критерий выделения действовать в данном случае не в силах, на передний план выступил критерий субъективный. Согласно ему так называемые бюджетники (т.е. лица, нахо-

дящиеся на государственной службе) входят в средний класс не могут, поскольку, де, в полной мере зависят от государственной власти. Между тем, очевидно, что, если принять этот тезис, в результате останутся не такие уж и многочисленные группы: прежде всего, клерки банковских, посреднических торговых, консультативных и иных частных предприятий и часть городской, прежде всего столичной, интеллигенции, руководствующейся в данном случае преимущественно идеологическими или чисто личностными соображениями.

Если это так (а сомневаться оснований мало), то в значительной мере отпадает еще один столп, на котором зиждется архитектура концепции среднего класса. Средний класс, если использовать это понятие применительно к России, не только не представляет большинство ее граждан, но и не проявляет (и не может проявлять) существенной тенденции к росту. В условиях нашей страны он обречен на положение одной из групп, составляющих ограниченное меньшинство, даже если причислить к нему для солидности всю совокупность симпатизирующих добровольцев-интеллектуалов.

Это вывод диктуется не только абстрактными размышлениями, но и оценкой реальной ситуации. Во второй половине 2012, а затем и в 2013 г. масштабы протестного движения, за которыми стоял, как принято считать, «средний класс», стали заметно скромнее. Оно не сошло на нет, поскольку у него есть своя социальная и политическая база, но приобрело размеры, адекватные месту, которое оно занимает.

Аргументы, нередко используемые для того, чтобы уяснить причины этого спада, убедительны лишь частично. Да, немалую роль сыграло то, что движению протеста не удалось выдвинуть новых лидеров, способных повести за собой совокупность недовольных граждан. По сути, его возглавили либо политические игроки, отягощенные негативным грузом 90-х гг., либо самодовольные митинговые говоруны, не имеющие политического веса. Да, его руководство не выдвинуло серьезную программу действий, способную зажечь массы. Но ведь у всего этого были свои причины. И одна из них — очевидная узость самого движения, ограниченный диапазон интересов представляемой им базы. Ей не были так уж нужны ни вожди,

способные отразить интересы общества в целом, ни программы преобразований, выходящие за пределы тех, которые ее интересовали.

Одним из косвенных свидетельств ограниченности этой базы можно считать появление и распространение еще одного квазитеоретического детища, призванного осмыслить и обосновать совокупность желательных преобразований, — концепции «креативного класса». Ее возникновение, судя по всему, диктуется намерением преодолеть очевидную несостоятельность рассуждений о чудотворном «среднем классе».

Креативному классу не приписываются притязания на включение в свой состав массовых общественных групп, составляющих большинство граждан. Он откровенно характеризуется как активное творческое меньшинство, в полной мере осознающее сущность процессов, происходящих в современном обществе и органически усвоившее новейшие достижения техники и науки. Способ его выделения четко не определяется. Тем не менее можно предположить, что его ядро должны составить (а иногда и уже составляют) современно ориентированные молодые политики и талантливые ученые. Как это может быть практически реализовано — остается только догадываться.

Имеется в виду, что креативный класс сумеет в конечном итоге тем или иным способом возглавить общество и повести его по пути модернизации к «светлому будущему». Вопрос лишь в том, кто реально будет определять состав креативного класса и как должны будут складываться его отношения с обществом в целом.

Очевидно, что для развития общественных отношений крайне важно активное участие в них умных, талантливых и деятельных людей, способных стимулировать и возглавить назревшие перемены. Но на этом признании нельзя ставить точку. Очевидно и другое. Стоит всего лишь выделить эту группу как привилегированную страту, поставить над обществом и предоставить особые властные prerogatives, как раньше или позже, но начнутся проблемы. Креативность, причастная к власти и пребывающая вне контроля со стороны общества, перестает быть качественной характеристикой и превраща-

ется в эксклюзивный социальный статус со всем тем, что из этого вытекает.

Не случайно характеристика властной элиты как совокупности изначально и неизменно нравственных, умных и талантливых («креативных») индивидов на протяжении тысячелетий служила обоснованием необходимости и объективной оправданности аристократического и олигархического режимов. Чтобы удостовериться в этом, достаточно хотя бы перелистать сочинения Геродота (V в. до нашей эры)¹.

Смысловую основу изложенного выше можно вкратце отобразить в виде следующих обобщающих утверждений.

Протестные движения конца 2011 — первой половины 2012 г. стали убедительным свидетельством серьезного расслоения той части российского общества, которая на протяжении предшествовавшего десятилетия активно поддерживала нынешние властные структуры или, по меньшей мере, относилась к ним весьма терпимо. Эти движения не опираются на наиболее массовые слои российского общества. Ввиду этого (если не возникнет каких-либо чрезвычайных событий) оно обречено на длительное пребывание в роли хотя и очень шумного, но маловлиятельного меньшинства.

Это, разумеется, не означает, что с силами, стоящими за этими движениями, можно не считаться. У них, безусловно, есть своя, хотя и не очень многочисленная, социальная база. Они располагают поддержкой части отесненной от власти деловой элиты, а следовательно и источниками финансовой поддержки, сохраняют устойчивые связи с оппозиционными средствами массовой информации и с влиятельными группами дальнего зарубежья. Очевидно, что они будут и в дальнейшем активно использовать в своих интересах любые ошибки и просчеты власти.

Однако главной проблемой российского общества — в том, что касается общественной атмосферы и, соответственно, политических отношений, — была и остается глухая, но устойчивая неудовлетворенность основной массы населения различными аспектами положения в своей стране, которая, в свою очередь, питает

¹ См.: Геродот. История (в девяти книгах). — Л., 1972, с. 164–165.

различные формы общественного недовольства.

И эта сторона дела требует особого разговора.

Структура массовых настроений

Объективная оценка этой структуры предполагает учет следующих обстоятельств.

При всей общепризнанной полярности массового сознания российского населения в его настроениях можно выделить своеобразный комплекс близких, совпадающих или идентичных настроений, содержание которых создает общественно-политическую атмосферу, определяющую, в конечном счете, содержание и перспективы политического процесса. В основе этого комплекса лежат не столько модные ныне традиции давних лет, сколько основополагающие события последних десятилетий, прочно отложившиеся в сознании живущих ныне поколений. Эти события четко распадаются на 3 этапа: закат советской эпохи, лихие 90-е гг. и неполные полтора десятилетия путинской власти. Соответственно структурируется и опыт, накопленный в это время.

Последние годы советского периода отложились в сознании многих (прежде всего, старших поколений) как время политической нестабильности, хаоса в институтах власти, бурного потока разоблачений, всеобщего дефицита всего того, что так важно для нормальной жизни, и, в конечном итоге, распада великой державы. Отсюда повсеместное утверждение сложившегося в то время массового негативного отношения к отождествляемому с происходившим социализму как ценностной системе и общественному строю.

Во многом аналогичный след оставили после себя 90-е гг. Для тех, кто тогда обогатился, присвоив общественное достояние, это было, безусловно, «золотое время». Но подавляющее большинство судит о нем иначе. Они — и прежде всего люди старшего и среднего возраста — хорошо помнят все то, что тогда происходило: и прогрессирующую разруху снизу доверху, и полный паралич реального производства, и массовые увольнения, и повсеместную невыплату заработной платы, и чеченские войны и беспредел, творимый торжествующим криминалом, и многое другое. Поскольку тогда у власти пребывали главным образом люди, именовавшие себя

демократами и либералами, в сознании значительной части граждан отношение к этой идеологии и к поддерживающим ее политическим силам перестало быть сколько-нибудь терпимым.

Отношение к власти, утвердившейся в последующие годы, долгое время оставалось двояким. С одной стороны, многие признавали, что ей, в конечном итоге, удалось положить конец анархии в политической сфере, затормозить развал народного хозяйства, обеспечить минимальную стабильность, приступить к восстановлению подорванных международных позиций государства. С другой — нельзя было не считаться с тем, что политическая плата за все это была нетерпимо высокой. Поступательный демонтаж добытых в предыдущие годы скромных демократических прав и институтов привел к утверждению в стране пусть мягкой, но вполне определенной формы авторитаризма.

Поскольку новая власть провозгласила себя консервативной, повсеместно началось административно стимулированное насаждение соответствующих постулатов. Страну как бы развернули лицом назад, в прошлое, — то ли к XVII, то ли к XVI в. В обстановке, когда под влиянием обстоятельств репутация идеологий социализма и либерализма подувала и в стране утвердился идеологический вакуум, для консервативного ренессанса оказались распахнутыми все двери. Соответственно, на общественной и политической сценах появилось немало «доброхотов», делающих на этом карьеру.

Время, естественно, внесло в воспроизведенную картину некоторые коррективы. Прошли годы. Поостыли раздутые страсти, предубеждения и обиды. Не столь безоговорочно враждебным стало отношение к временам Советского Союза. В них все чаще находят не только негативные, но и позитивные элементы. Многие отрицают стороны эпохи 90-х гг. потеряли в глазах современников былую актуальность. Тем болезненней воспринимаются обществом все четче проступающие изъяны нынешних властных институтов: их низкая компетентность, всевластие бюрократии, nepотизм, коррупция, подковерная борьба клик и множество других не очень позитивных качеств. В стране сложился социально нетерпимый разрыв в уровне жизни. Все это, естественно, не укрепляет репутацию власти.

Но было и кое-что иное, работавшее в ее пользу. В стране установилась пусть несовершенная, но все же стабильность, всерьез, хотя и не самым лучшим образом, заработала экономика, несколько улучшилось материальное положение массовых групп населения, сократилась до приемлемого уровня безработица, уменьшились масштабы крайней бедности, сохранены отдельные элементы прежней социальной политики.

Свою роль в формировании массовых настроений сыграли и дополнительные обстоятельства.

Во-первых, неприемлемость для большинства российских граждан любого рода насильственных действий, которые могли бы вызвать распад властных структур, анархию, вооруженное противостояние социальных и национальных групп. Исторический опыт, зафиксированный в общественном сознании, породил у населения России стойкое убеждение в том, что такие действия не решат назревшие проблемы, но лишь существенно ухудшат условия жизни. Поэтому до тех пор, пока власти не нарушат границы, за которыми терпеть уже физически невозможно, основная масса россиян — вне зависимости от их отношения к режиму и правящим политическим силам — не готова выйти за конституционное поле.

Во-вторых, существенно ограничено доверие значительной части общества и к иным, ненасильственным формам давления на власть, а следовательно к институтам гражданского общества. Настороженное отношение к власти, которое по ряду причин остается неотъемлемым элементом общественного сознания, распространилось в России и на эти институты, которые по традиции, сложившейся еще в советские времена, рассматриваются в своем большинстве как инструменты политики, продиктованной верхами.

Это представление нередко подкрепляется самими институтами гражданского общества. С одной стороны, они то и дело демонстрируют беспомощность и несостоятельность перед лицом политических властных инстанций. С другой — нередко приобретают негативные черты бюрократических структур власти, выстраивая иерархическую систему взаимоотношений между верхами и низами и пытаясь манипулировать своими сторонниками.

Разумеется, об особом доверии в этих условиях говорить не приходится.

В этой сложной и противоречивой обстановке и складывается стержневая основа нынешних доминирующих настроений. Их, насколько можно судить, образуют следующие установки:

— представление, что сложившаяся в стране политическая система отражает интересы лишь богатой части общества, игнорируя потребности и запросы менее зажиточного большинства, и что, следовательно, любые исходящие от нее импульсы несут ему главным образом потери. Отсюда крайне настороженное отношение к любым новым реформам, которые, согласно сложившимся взглядам, обычно меняют ситуацию к худшему;

— признание того, что крупная собственность, появившаяся в стране в 90-е гг. прошлого века (и попавшая, прежде всего, в руки так называемых олигархов), — результат махинаций, нанесших неисчислимый урон государству и обществу в целом;

— опасение, что в сложившихся условиях не приходится рассчитывать на создание (или хотя бы частичное восстановление) в стране такой системы социальных амортизаторов, которая позволит каждому члену общества рассчитывать, что в качестве компенсации за его позитивный трудовой вклад в общее дело ему будут гарантированы приемлемые условия существования на всех этапах жизни;

— устойчивая уверенность в том, что шансы простого гражданина на вертикальную социальную мобильность, несмотря на все его усилия, при нынешних обстоятельствах минимальны;

— убеждение, что в обществе, в основе которого лежит совокупность правонарушений, право не может считаться регулятором взаимоотношений между гражданами и поэтому с ним можно не считаться.

Естественно, что подобные настроения не могли не сказаться на бытовом, общественном и политическом поведении людей. Но представление, будто единственной формой их реакции должен стать единый порыв к смещению власти, свойственное людям, «витающим в эмпиреях», не оправдалось, и не могло оправдаться.

Динамика массового поведения

Наиболее естественной для России формой проявления недовольства властью

всегда было отчуждение. Оно наличествовало даже тогда, когда властные структуры воспринимались как легитимные и располагали солидным политическим капиталом. Тем более велико такое отчуждение в нынешних условиях, когда у большинства населения страны есть достаточно оснований быть недовольными многими решениями, принимаемыми властью.

Специфической формой взаимоотношений между обществом и политическими институтами в условиях отчуждения является психологическое и практическое отторжение исходящих от них импульсов, представляющее собой развитие характерного для России неправового поведения. Поступающие сверху юридические и управленческие решения не воспринимаются и не выполняются ни отдельными гражданами, ни общественными институтами. Иногда этот феномен является результатом сознательного саботажа местной бюрократии. Однако чаще всего он воспроизводит утвердившиеся в обществе настроения.

Отчуждение между властью и обществом оборачивается не только отторгающим отношением низов к верхам, но и неприязнью верхов к низам, в первую очередь — к любым формам общественной самостоятельности. Если судить по словам, то руководство страны вроде бы понимает, насколько это опасно. Тем не менее на практике налицо постоянное стремление государственных институтов не взаимодействовать с общественными организациями, а командовать ими, не воспринимать идущие от них импульсы и, соответственно, вносить коррективы в свою политику и конкретные действия, а игнорировать сигналы снизу, пытаясь превратить гражданские объединения в каналы односторонней передачи управленческих директив сверху вниз. Это приводит к тому, что решение назревших вопросов и внесение необходимых коррективов в проводимую политику существенно задерживается. Проблемы накапливаются. К их решению приступают лишь тогда,

когда социально-политическое напряжение достигает критической точки. Одновременно отсутствие адекватного отклика у властных структур на импульсы, поступающие снизу, провоцирует неправомерные действия.

Нередко отчуждение, рассмотренное выше, принимают за инертность, пассивность и равнодушие не созревшей для гражданской активности «серой массы». Чтобы убедиться в распространенности подобных взглядов, достаточно перелистать внесистемную оппозиционную прессу или просмотреть соответствующие блоги. Между тем, это представление в корне неверно. Отчуждение содержит в скрытой форме высокий потенциал не только недовольства, но и латентной гражданской активности, который по тем или иным причинам временно реализуется не в полную силу.

Отстраненность большинства граждан от радикальных внесистемных «завлекалок», о которой сейчас так много говорят и пишут, — феномен ситуационный. Мелодии, которые в этой связи выводят, не являются для них привлекательными, тем более что сами певцы нередко фальшивят. Но такая ситуация не может быть вечной. Если власть не перестанет постоянно раздражать общество своими экстравагантными инициативами, если ее борьба с коррупцией и некомпетентностью выродится в сценические постановки, а экономическая ситуация всерьез выйдет из-под контроля, может произойти всякое. А в этом случае, как свидетельствует и наш, и мировой опыт, отстраненность народа способна мгновенно преобразиться в решительный активизм. И возглавят его не нынешние несистемные оппозиционеры, а совсем другие, неведомые пока нам люди и стоящие за ними политические структуры.

Если это произойдет, то крайне важно, прежде всего для судеб самой России, чтобы этот поворот реализовался по каналам гражданского общества, а не захлестнул их, выйдя за пределы конституционного поля.